

Т. Г. Фруменкова

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ И СОДЕРЖАВШИХСЯ В НЕЙ АРЕСТАНТОВ (1810–1820-е гг.)

В ходе последней русско-шведской войны в марте 1808 г. русские войска осадили Свеаборг. По сведениям историка М. М. Бородкина, в крепости во время осады, кроме гарнизона, оставалось до 1800 «беспольных людей»¹. Историк имел в виду, прежде всего, женщин и детей. О находившихся в Свеаборге узниках он не упомянул, и трудно сказать, были ли они включены в число «лишних ртов». Так или иначе, 21 апреля (3 мая) 1808 г. шведы сдали Свеаборг².

Согласно документам Российского государственного исторического архива (РГИА), сохранившимся в фонде 1361 (Статс-секретариат Великого княжества Финляндского), финские арестанты, находившиеся в Свеаборге, тогда же перешли под попечение Военного министерства вместе с самой крепостью, которая была передана под управление этого ведомства³. По условиям Фридрихсгамского мира 5 (17) сентября 1809 г. Финляндия вошла в состав России⁴. К этому времени Александр I утвердил «основные законы края», то есть основные шведские законы, действовавшие до этого в Финляндии⁵.

Однако вскоре обнаружилась значительная разница между уголовными законами, которые существовали в шведской Финляндии, и российским законодательством. По законам, действовавшим в Российской империи, «работы в крепостях на время от 10 до 12 лет» и «работы в крепостях на время от 8 до 10 лет», дополняемые «наказанием плетью от 60 до 70 ударов» и от 50 до 60 ударов соответственно (для преступников из тех сословий, которые не освобождались от телесных наказаний) являлись уголовными наказаниями четвертой и пятой степени⁶.

В Финляндии крепости использовались как обычные тюрьмы. В России крепости также являлись местами заключения. Однако в Петропавловской крепости содержались преимущественно подследственные, обвиняемые в государственных преступлениях, в Шлиссельбургской

крепости находились уже осужденные за подобные преступления. В монастырских крепостях содержались старообрядцы и религиозные «вольнодумцы»⁷. Заключенные в крепостных тюрьмах не использовались для выполнения различных работ.

Мнение о том, что уголовные законы, а особенно система наказаний, безнадежно устарели, разделяло все финляндское общество⁸. В крепостях в Финляндии содержали не только тех осужденных пожизненно или на определенный срок преступников, которые способны были работать и соответственно оплачивать свое содержание, но и таких, которые не могли по старости или немощи физически трудиться. Кроме того, в Свеаборге и в других крепостях неопределенное время находились обвиняемые в преступлениях «для склонения к признанию», а также бродяги, «покуда не приищут себе законного рода жизни»⁹.

Однако документы фонда 1361, к сожалению, не сообщают подробностей о том, как была организована жизнь свеаборгских арестантов с 1808 по 1826 г. Они освещают лишь определенные преобразования в статусе крепости и арестантов в последующий период (1827–1830 гг.)

В 1827 г. статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского граф Р. И. Ребиндер представил генерал-губернатору А. А. Закревскому копии двух записок «по делу о свеаборгских арестантах». Одна из них была озаглавлена «О содержании финляндских арестантов в Свеаборге» и сообщала краткую историю вопроса. Авторы записки утверждали, что после того, как российское военное ведомство приняло под свое попечение содержание этих заключенных, «не было сделано никакого различия между разными родами арестантов, и сие продолжалось без требования какого-либо вознаграждения со стороны финляндской казны в издержках на пищу, одежду, лекарства, исправление духовных треб и прочие расходы для арестантов»¹⁰. Эта ситуация объяснялась тем, что по российским законам все крепостные арестанты содержались на иждивении инженерного ведомства. Численность арестантов в крепости год от года колебалась, но не уменьшалась, а даже возрастала. Ведомости сообщают, что в 1811 г. там содержались 242 узника, в 1812 г. — 327, в 1813 г. — 264, в 1814 г. — 307, в 1815 г. — 254, в 1816 г. — 304¹¹.

В 1816 г. инженерное начальство в очередной раз известилось, что среди заключенных по-прежнему «находятся многие такие, кои либо не были приговорены к работе, либо по слабости здоровья или по старости сделались неспособными к оной». В связи с этим руководители инженерного ведомства обратились к генерал-губернатору Финляндии «относительно снабжения арестантов лекарствами и прочими потребностями и учинении расчета в одежде, полученной ими от инженерного ведомства, но недоношенной или незаработанной ими до освобождения

их из крепости». Эти вопросы были переданы на рассмотрение финляндского Сената. К предложениям инженерного начальства присоединились прокурор и тавастгустский ландсгевдинг (глава местной администрации. — Т. Ф.), которые предложили отделить содержащихся «в рабочих заведениях лиц от общей работы, поместить вместе с действительными крепостными арестантами» и составить общую инструкцию для коменданта крепости. 30 января 1819 г. Сенат по этим вопросам вошел с представлением к Александру I.

Похоже, быстрого ответа на представление не последовало, а Сенат в ожидании резолюции императора давал «только отклонительные ответы» на предложения о том, чтобы финляндская казна оплачивала лечение свеаборгских заключенных. В середине 1820-х гг. одежду арестантов оплачивал уже Гельсингфорс. Что касается расходов на их питание, то инженерное ведомство «через каждую четверть года удовлетворяло себя на счет 30 копеек, кои причитались за каждый рабочий день арестанта». Из текста записки не совсем понятно, откуда Военное министерство получало эти деньги. В связи с тем, что значительная часть узников Свеаборга не работала, а те, кто был способен трудиться, не всегда были обеспечены работой, финляндские чиновники опасались, что в случае, если за питание будет отвечать финляндская казна, у нее могут возникнуть серьезные проблемы. Главным способом решения этих вопросов они считали приближающееся открытие смиренных домов, в которые будут переведены «три четверти содержащихся в Свеаборгской крепости»¹².

Вторая записка — «О содержащихся в Свеаборгской крепости арестантов» — сообщала, что в 1826 г. в Свеаборге находился 601 узник. Из них 66 были приговорены к «вечному заключению», 136 были осуждены на определенный срок, 48 были заключены в крепость для того, чтобы заставить их признаться в тех преступлениях, в совершении которых их подозревали, 351 были бродягами. Те из арестантов, которые были в состоянии «исправлять крепостную работу», получали в день по 3 фунта хлеба, по 1 гарнцу (свыше 3 литров. — Т. Г.) круп и по 3 коп. деньгами. Содержание отпускал им комендант крепости. Кроме того, из инженерного ведомства регулярно переводились определенные суммы «в пользу финляндской казны» из расчета «за каждый рабочий день арестанта по 30 коп.». За счет финляндской казны заключенные также обеспечивались одеждой, состоящей «в овчинной шубе сроком на 3 года, в кафтане с кушаком, в шапке и в паре панталонов суконных сроком на 2 года, равно в двух рубашках, 2 парах холщовых брюк, в 6 аршинах сермяжного сукна на онучи вместо чулок, в 1 паре перчаток, в 2 парах рукавиц и в 3 парах башмаков сроком на 1 год»¹³.

Авторы записки поясняли и особенности организации работы узников крепости. Арестанты трудились каждый день, когда «того инженерная команда требует». В те дни, когда таких требований не поступало, заключенные были «заняты содержанием чистоты в крепости, носкою дров и воды и другими подобными работами или же работами на себя, удерживая за собою все, что заработают»¹⁴.

Слабых и больных узников, а также заключенных, не имевших приговора, который предусматривал бы крепостные работы, в 1827 г. стали переводить в Тавагустскую и Свартгольмскую крепости. Возможности этих крепостей были невелики, и не поместившихся в них арестантов предполагалось оставить в Свеаборге, обеспечивая их одеждой и пищей из финляндской казны. Бродяг же вообще собирались поместить в смиренный дом, строительство которого планировалось завершить «будущей весной», то есть весной 1828 г. Число заключенных в Свеаборге, как предполагалось, при этом уменьшится «более чем до половины», и «затруднения в помещении для них в крепости» не ожидалось¹⁵. Авторы первой записки утверждали, что «население» крепостных казематов и камер может сократиться на три четверти, но, очевидно, они включили в это число слабых и больных.

Между тем в 1827 г. в крепости было тесно, но предложение разместить часть заключенных «по прочим крепостям государства» встретило бы ряд затруднений. Объяснение этих трудностей продемонстрировало некий демократический элемент в архаической системе исполнения наказаний в Финляндии. По сведениям авторов второй записки, по финляндским законам заточение в крепости не лишало заключенного «общих гражданских прав», и арестант имел право приносить жалобы чиновникам, которые были обязаны «почасту посещать места заключения и наблюдать за порядком и законным устройством в оных». Авторы записки деликатно предположили, что так же организована и деятельность «в прочих крепостях государства, но если бы и можно было по оным разместить финляндских арестантов, то они, однако ж, по разности в языках приведены были бы в большое затруднение приносить жалобы и просьбы, когда бы имели иногда к тому повод». Кроме того, не следовало «и важнейших преступников лишать утешения и побуждений к исправлению, какие подает религия»¹⁶. К тому же большие расстояния привели бы к значительным трудностям и финансовым затратам при организации контроля за финляндскими арестантами.

Очевидно, вопрос о том, чтобы приговоренные к крепостной работе преступники из Финляндии отправлялись для отбытия наказания в крепости на территории внутренней России, обсуждался серьезно. Во всяком случае, в заключительной части записки ее авторы заявили,

что если, невзирая на все препятствия, такое решение будет принято, то оно не должно распространяться на тех узников, которые находятся в финляндских крепостях в настоящее время, так как «сие клонилось бы к отмене состоявшихся о них и восприявших законную силу, а частью и исполненных уже приговоров». Оно нарушало бы положение, согласно которому закон обратной силы не имеет. В будущем же непременно стоило изъять из новых правил бродяг и тех несчастных, которых ссылали в крепость с целью добиться признания вины. Бродяг не следовало «ни в каком отношении сравнивать с действительными преступниками», а не признавшие вину «в случае успеха в увещании их духовенством к признанию, имеют быть отправляемы для допроса в судебные места и, следовательно, не могут быть отправляемы из Финляндии». В отношении же преступников из Финляндии, отправляемых в крепости внутренней России, следовало освободить Гельсингфорс от всех обязательств и забот¹⁷. Получается, финляндские чиновники — составители записок стремились к сохранению некоторых средневековых особенностей местного уголовного и уголовно-процессуального права.

Однако 14 (26) декабря 1826 г. император Николай I подписал рескрипт частного содержания. Он признал «невместным и несообразным со справедливостию, чтобы инженерное ведомство производило финляндской казне платежи за работу, исправляемую финскими крепостными арестантами, осужденными по законам того края к крепостной работе». Император потребовал, чтобы этот платеж с 1827 г. был отменен, а заключенные исправляли бы «публичную работу» в Свеаборге и других крепостях Финляндии без вознаграждения от местной казны. Арестантам Свеаборга позволяли отправляться в Гельсингфорс в сопровождении караула для продажи своих изделий и закупки «нужных вещей и съестных припасов». Рескрипт поручал генерал-губернатору «принять потребные меры к отвращению на будущее время подобного злоупотребления». Кроме того, крепостных арестантов следовало «разделить на артели под надзором смотрителя», для чего генерал-губернатору следовало поручить прокурору Сената составить подробное наставление и представить его на утверждение. Смотритель также обязан был наблюдать, чтобы заключенные получали за счет финской казны «достаточно здоровую пищу»¹⁸.

Наконец, в 1829 г. Николай I утвердил «Регламент для тюремного заведения в Свеаборгской крепости», который определил, в ведении каких учреждений и должностных лиц находится крепостная тюрьма, закрепил обязанности гарнизона крепости и подробно зафиксировал статус арестантов. В преамбуле император заявлял, что закон принимается «для споспешествования точнейшему присмотру за содержащимися в общей

тюрьме Свеаборгской крепости арестантами и нравственному их исправлению». Руководствоваться регламентом предполагалось до тех пор, пока не будет «приведено в действие... общее рабочее и смирительное заведение»¹⁹. Очевидно, смирительный дом организован еще не был.

По новому положению тюрьма находилась «в совокупном ведении» коменданта, ландсгевдинга губернии и прокурора финляндского Сената, причем комендант нес исключительную ответственность за дисциплину и организацию работы заключенных. Служители тюрьмы высокого уровня назначались на должности ландсгевдингом, а низшие — капитаном из лиц, служивших в финской армии, говоривших на русском, шведском и финском языках и свободно писавших на двух первых. Все заключенные состояли «под командой» тюремного начальника; осужденных на работы арестантов комендант крепости совместно с прокурором распределял на две роты и «удобное число отделений». Их количество зависело от «устройства отделений и по роду преступлений арестантов»²⁰. Арестанты, не осужденные на публичные работы, не причислялись к ротам и должны были содержаться отдельно от других узников.

Заключенные, входившие в состав крепостных рот, подвергались «строжайшей военной дисциплине», им запрещалось носить иную одежду, кроме тюремной. Регламент требовал, чтобы они были «умытыми, обритыми и остриженными», сохраняли опрятность и порядок.

Согласно регламенту, по утрам под барабанный бой арестантов строили. После переклички под командой унтер-офицера каждое отделение маршировало на работу. Тот же унтер-офицер наблюдал за исполнением работ и следил за тем, чтобы не было побегов. Особое внимание уделялось организации труда заключенных, «сведущих в мастерстве». Офицерам полагалось контролировать деятельность подчиненных. Арестанты должны были выполнять все казенные работы, которые оказывались в крепости, а в случае их отсутствия — частные работы, если они могли производиться без увеличения караула. За работу заключенным, как и ранее, платили по 30 коп. асс. в сутки, причем деньги шли «в пользу собственного хозяйства арестантов»²¹. Их принимал тюремный начальник, он ежемесячно держал финансовый отчет перед ландсгевдингом.

Продолжительность рабочего дня (с часовым перерывом на обед) зависела от времени года — от 6 часов в декабре и январе до 13,5 часа в июне и июле и 13 часов в мае и августе. По воскресеньям и в дни великих христианских праздников арестантов освобождали от работы; им полагалось посещать лютеранские или православные храмы. Узникам, приговоренным к крепостным работам, наличные деньги иметь запрещалось, но в церквях разрешалось завести кружки для сбора подающей в их пользу. Для больных заключенных устраивался крепостной лазарет;

тех из них, кто получал увечья во время работы, полагалось по освидетельствовании переводить в Свортгольмскую крепость²².

Все осужденные на работу арестанты получали обмундирование за счет казны. Те, кто по приговору не должен был работать, носили собственную одежду, но если они «не имели к тому собственного достатка», то их обеспечивали арестантским одеянием. На заключенных, которых переводили из крепости в крепость в зимнее время, отпускалось «соответственное число тулупов, варег и кепег». Теплую одежду полагалось возвращать тюремному начальству. Покупка у арестантов тюремных вещей каралась штрафом в 10 руб. сер. для покупателя и наказанием без суда «лозанами от пяти до двадцати пяти для арестанта»; штрафные деньги делились пополам между доносчиком и казной. Если на уплату штрафа у провинившегося не было денег, его заключали в тюрьму на 14 дней²³.

Регламент подробно расписал и процедуру освобождения осужденных, заключения контрактов на снабжение арестантов продовольствием, обеспечение лекарствами и т. д. Во всех прочих делах администрации крепости предписано было руководствоваться уставом о губернских тюрьмах в Финляндии, принятом еще при Александре I 24 октября 1824 г. В Кемнерском суде Гельсингфорса полагалось рассматривать в первой инстанции «приклячающиеся в тюрьме дела и предметы иного или тягчайшего свойства, нежели каковые могут оканчиваемы быть без суда»²⁴.

Главное новшество регламента состояло во введении в крепости военной дисциплины. В случае, если новшество будет признано нужным и удачным, финляндский Сенат должен был разработать соответствующие инструкции для других крепостей.

Интересно, впрочем, что попытки освободить крепость от бродяг и регламента не изменили ни число свеаборгских арестантов, ни их качественный состав. По данным на 27 июля (8 августа) 1830 г. в крепости находились 53 «вечных» заключенных, 44 человека, «посаженных впредь до признания», 152 «срочных» узника, осужденных «на годы», 43 — «на дни», а также 262 бродяги, всего 554 арестанта²⁵.

Таким образом, деловая переписка и регламент Свеаборгской тюремной крепости отразили начало переходного этапа от шведского к российскому уголовному и уголовно-процессуальному законодательству Великого княжества Финляндского в 1810–1820-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 98, 106.

² Там же. С. 124.

³ Российского государственного исторического архива (далее: РГИА). Ф. 1361. Оп. 2. Д. 137. Л. 8.

⁴ *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Александра I. С. 287.

⁵ *Остен-Сакен В.* Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб., 1910. С. 63.

⁶ Законы уголовные // Свод законов Российск. Т. 15. СПб., 1857. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Гл. 2. Ст. 21.

⁷ *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 2. М., 1951. С. 111–120, 383–396, 444–476.

⁸ *Дусаев Р. Н.* Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: История создания, основные институты. Л., 1988. С. 31.

⁹ РГИА. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 127. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 137. Л. 8.

¹¹ Там же. Д. 127. Л. 18–18 об.

¹² Там же. Д. 137. Л. 8 об. — 9 об.

¹³ Там же. Д. 127. Л. 4–5.

¹⁴ Там же. Л. 4 об. — 5.

¹⁵ Там же. Л. 5–5 об.

¹⁶ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁷ Там же. Л. 6 об. — 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁹ Там же. Л. 60.

²⁰ Там же. Л. 61 об.

²¹ Там же. Л. 62 об.

²² Там же. Л. 63–64 об.

²³ Там же. Л. 65–65 об.

²⁴ Там же. Л. 66–70.

²⁵ Там же. Д. 157. Л. 1.

ЛИТЕРАТУРА

Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб.: Государственная типография, 1909. 635 с.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы. 2-е изд. Т. 2. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. 547 с.

Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: История создания, основные институты. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 168 с.

Кангаспуро Л. В. Братья Яков и Константин Гроты. Деятельность на благо России и Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы 2017, № 18/1–2/. С. 10–19.

Кангаспуро Л. В. Творцы тюремных реформ — Н. С. Таганцев и А. Грутенфельт // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2016, № 17/1/. С. 36–45.

Остен-Сакен В., фон дер. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб.: Государственная типография, 1910. 220 с.

Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. Т. 15. Законы уголовные. СПб.: в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества 1857. 228 с., 118 с. прил.